

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

№10 1996

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ

Жизнь без тебя заброшена, убога,
недорога и просто недотрога,
кошмарно-сонна как ларек в Ельце,
продрогнута в холодном пальто-це,
бесчувственна, безапелляционна,
и страшный суд, вершился каждый миг -
лишь скучная мичуринская зона,
где степь да степь да друг степей калмык.
К чему ни прививайся, к розе или
к советскому дичку,
я все как лошадь загнанная в мыле
под стяг качку,
который бицепс воли накачает
и терпит вновь
жизнь без тебя, в раздоре и печали,
моя любовь.

февраль 96

НА ЧАЛО ВЕСНЫ

Вчера блины под насморк, и день весны за
хвост
меня схватил как пастор, чтобы соблюдала пост.
А я ведь с постной рожей уже давным-давно
хожу, мороз по коже, чесотка заодно.
Ведь кожу раздражает хватанье за грудки,
я только поражаюсь, что нет еще цынги.
Давно без витамина, давно без огонька,
хотя стоит дымина, пока я жду звонка
безмолвно безнадежно, проваливаясь в грипп
как в маленькую бездну, как в рощу старых
лип,
что новой липы краше, заслуженней, честней.
Весна несет мне кашель и короля червей.

февраль 96

* * *

Могла быть счастлива как бобик,
с хозяином на поводке,
могла прятывать: бесподобен
мир и подстилка в закутке.
Но в жизни так не получилось
и говоря уж все как есть,
я, как Маруся, отравилась,
девичью запяtnала честь.
С тех пор я стала ядовита
и мудрой злобности полна.
Я проклинаю тот напиток,
и пью до дна.

февраль 96

* * *

Говорят, если гложет тоска, измени
дом, страну, гардероб и прическу.
Я уже. И еще лик на облик страны
поменяла, и гвоздь на загвоздку.
В душный погреб души отнесла узелок
с небольшой, но весомой поклажей.
Кофе выпила, съела печенье, глоток
заглотила, наклюкалась даже,
переставила мебель, сменила замки,
долго плещь проедала в народе,
отвечала на зовы судьбы и звонки,
все напрасно - печаль не проходит.
Средства есть теперь всякие: "от", как и "для",
От разлуки с любимыми - тоже.
Я хочу быть с тобой до последнего дня
и потом. И потом, если можно.

август 95

* * *

Надежда умирает не последней.
Любовь и в коме дергает крылом,
копытом или вот еще намедни
пошевелила сломанный стеблем.
А первым рейсом отлетела вера
и долго пустота держалась на плаву
пока цветной платок ее не выцвел в серый.
Над пропастью во ржи, под насыпью во рву,
на черствой, перекошенной лужайке
последний одуванчик рву,
и точка, удаляясь в стайке
всех запятых, что были до нее,
не оставляет хвостика, схватиться
мне не за что. Ни морга, ни больницы,
ни дна, чтоб лечь на дно.

август 95

* * *

Хочется - сбудется, только позднее, чем надо.
Между Землей и Мечтой - световые года.
Нынче за ужином капельки яда
все выступали на нёбе и меркла еда.
Звуки во тьме очевидней, и чавканье тоже.
Грузный партнер засыпает как сон.

Вот и еще один день не с тобой - героически прожит,
так что хоть волосы дыбом, да грудь колесом.
Все посыпалось, лишь ты остаешься не сбытым
чудом на рынке господнем. Заказ устарел:
хоть ты и кальцием стал бы, седым трилобитом,
жизнь без тебя все равно - беспросветный пробел.
Ты нас не знаешь, российских бестрепетных
ланей,
наше терпение терпче французских духов,
наша любовь - бесконечней любых расстояний,
нам до Мечты - как до самых простых Васюков.

июль 95

* * *

Что осталось от козлика? Рожки,
простые рога.
Ножек совсем не осталось,
длинных и стройных.
Козлик пустился в бега,
и в копыте нога -
все что полиция может сказать
о приметах забойных.
Люди, същите мне козлика,
тушку и шерсть,
гладить, чесать ее буду,
и время замерив,
буду смотреть, как оно истекает из зверя,
нечеловеческий мне сообщая замес.

Москва, июль 95

* * *

Мишель. Кальоне. Аркашон.
Не прихоть и не панацея.
не только солнцем обожжен,
не просто сужен ворожеей.
Ну сколько ж ждать же! Долог долг,
но дольше жажды ожиданья,
и не надоедает слог,
слагающий любовь и тщанье.

июль 95

ИЗВЕСТНЫЕ ВЕЩИ

Счастье вредно будучи наркотиком,
а успех полезен для здоровья,
человек плохой похож на котика,
а хороший - на седло коровье.
Как оно удобно и не надобно!
Как с котом забот невпроворот!
На пути котином рвы и надолбы,
на седле коровьем - недород.
В небе журавлем, прекрасным принцем я,
вовсе не синицею в руке -
золотым руном и синей птицею,
дорожу как замком на песке.
По любви песок с цементом схватится,
а седло с коровой - никогда,
кот начнет ходить в песочек с пятници,
а синицы гадят кто куда.

6 июня 1995

* * *

Эксперимент закончен
не..неблаго..неполучно,
душа осталась на Луне, и тяжесть не
научна:
земного притяжения нет, не заберешь
обратно,
на самой плавкой из планет устойчивые
 пятна
несчастья, что не сходит с рук при
омовеньи мылком
и счастья, что не сходит с рук в
поминовеньи пылком.
О будущем подумать - не.. ни те, ни эти
нети,
не будет истины в вине, не заведутся дети.
Не заведется механизм мечты
вечнолюбимой,
и неприкаянный каприз, все также вечно
мнимый
берет реванш, его - ату, но нет того,
другого,
темно в глазах в ушах во рту от горя
неземного.

сентябрь 95

ПАРИЖСКИЕ СТИХИ
Воспоминание об автомобиле "Ланча-Тема"

Бордovую тему вела
моя лысоватая муз
от Пьера Кардена, козла,
от их шерстяного союза.

Я загнана кием ее,
лежу шаром в лузе, не юным,
и не шелохнусь, как белье,
отжатое в тазе угрюмом.

Но помню разбег по горам,
по дюнам, по венам, по винам,
и музу, имущую срам,
не стыд - называю любимым.

Он, муз, музчина, свинья
объелся брюссельской капустой,
он продал не тему - меня,
окрасив в бордо мое чувство.

Я темную рану лечу,
горит зажиганье и фара,
и я зажигаю свечу
за упокоенное пожара.

Дни капают, все как одна
и все предпоследняя капля,
хоть чаша полна, да без дна,
стоит на болоте как цапля.

Сюжет ее: "боль и обман"
и "память о воле к победе",
она неподвижна как жбан,
она никуда не поедет.

Париж, декабрь 1994